

БЕСЬДА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ бесѣдѣ съ Постпльовимъ, Синайскимъ, Красоткинымъ и Иваномъ Караваевымъ Сократъ сперва указываетъ на источникъ противорѣчія въ понятіи движенія и говоритъ объ условіяхъ происхожденія этого понятія и о трехъ стадіяхъ его развитія: субъективной, объективной и абстрактной. Источникъ противорѣчія, вскрытый Зенономъ, заключается, по мнѣнію Сократа, прежде всего въ отсутствіи яснаго понятія о происхожденіи идеи движенія и обѣ его не реальному, но только идеальному бытіи, потому въ неразличеніи вышеуказанныхъ стадій развитія этой идеи и, наконецъ, въ ложномъ мнѣніи, что количество есть необходимая принадлежность движенія вообще. Отсюда, думаетъ Сократъ, происходит постоянное смѣщеніе движенія съ субъективной стадіи его пониманія, гдѣ оно отмѣчается и оцѣнивается посредствомъ, такъ называемаго, чувственнаю восприятія, съ пониманіемъ движенія въ объективно-абстрактной стадіи его развитія, устанавливаемой и оцѣниваемой мышленіемъ. Противорѣчіе состоится въ томъ, что люди, употребляя слова: прежде, послѣ, теперь, по предположенію, понимаютъ ихъ въ одномъ смыслѣ, а между тѣмъ, эти термины могутъ имѣть и имѣютъ различное значеніе и при томъ такъ, что сами употребляющіе ихъ не сознаютъ и не замѣ чаютъ этого различія. Далѣе Сократъ объясняетъ происхожденіе понятія скорости движенія отъ сравненія одного движенія съ другимъ и указываетъ на то, какъ въ это понятіе вносится много недоразумѣній господствующимъ метафорическимъ его употреблениемъ. Въ концѣ бесѣды Сократъ развиваетъ мысль, что про-

странство, время и движение, не бывши реальностями, все таки могут быть понимаемы какъ символы различныхъ отношений реальностей другъ къ другу.

Когда я въ началѣ 8-го пріѣхалъ къ Калганову, то нашелъ у него братьевъ Карамазовыхъ съ Катериной Ивановной и Сократа съ Синайскимъ. Калгановъ и Синайскій передавали Карамазовымъ разговоры, происходившіе въ вагонѣ, причемъ Калгановъ старался представить Сократа въ искаженномъ видѣ, а Синайскій оспаривалъ и поправлялъ его. Самъ же Сократъ, хотя и слушалъ это, но упорно молчалъ; и когда Иванъ Карамазовъ обратился къ нему съ вопросомъ: почему онъ самъ не расскажеть, какъ было дѣло, то Сократъ отвѣталъ: «Когда Петръ Єомичъ разсказываетъ что либо обо мнѣ, то я припоминаю поговорку: „мели Емеля, твоя недѣля“! и спокойно выслушиваю его мелево, нисколько ему въ томъ не препятствуя. Въ настоящую же минуту тѣмъ болѣе не буду препятствовать, что слышу и вижу приготовленія къ чаю и съ удовольствіемъ ожидаю его».

Въ эту минуту послышался звонокъ и появились Красоткинъ съ Поспѣловымъ, къ которому, поздоровавшись, Алексѣй Карамазовъ обратился съ вопросомъ: „А васъ таки опять Богъ снесъ съ Сократомъ Ивановичемъ и вы препирались съ нимъ въ вагонѣ?“

Поспѣловъ. Да, вѣдь, и нѣтъ возможности не спорить съ нимъ, потому что онъ говорить такія странныя вещи, что не утерпишь, чтобы не возразить! Вотъ, и сейчасъ придется, можетъ быть, поспорить съ нимъ по поводу, оставшагося за нимъ въ долгу, объясненія, которое онъ не успѣлъ сдѣлать давеча въ вагонѣ. Услыхавъ это, Сократъ, который уже началъ пить чай, отвѣталъ Поспѣлову: „змной недоимки не останется! Вотъ хлебну чайку и выплачу ее“.

„Такъ извольте же выслушать“, сказалъ онъ, допивши стаканъ: „чтобы устранить противорѣчіе, заключающееся въ понятіи движенія, намъ нужно прежде всего указать на условія, при которыхъ образуется эта идея. Во-первыхъ, она невозможна прежде, чѣмъ образовались идеи времени и пространства. Это не значитъ, что образованію идеи

движенія должно предшествовать по времени полное развитіе тѣхъ идей во всѣхъ его стадіяхъ. Необходимо только, чтобы идеи движения у людей предшествовали время и пространство, хотя бы въ первой или *субъективной* стадіи своего образованія. Послѣдующія же двѣ стадіи, т. е. *объективная* и *абстрактная* всѣхъ трехъ формъ, т. е. пространства, времени и движенія могутъ развиваться почти одновременно.

Для того, чтобы мыслить движение, первоначальнымъ условіемъ служитъ сознаніе, не измѣняющагося, въ теченіе нѣкотораго времени, поля зрењія или осязанія, потому что, какъ и пространство, движение образуется отъ этихъ чувствъ, которыя даютъ *объектъ движения*, т. е., движущійся зрительный или осязательно-мускульный элементъ. Далѣе нужно, чтобы въ противоположность этому неизмѣнному полю зрењія былъ отмѣченъ какой либо пунктъ его, который измѣнялъ бы свое относительное положеніе къ другимъ пунктамъ, ибо если бы постоянно измѣнялось по своему содержанію *цѣлое поле зрењія* или осязанія, тогда не могло бы быть отмѣчено движение, но происходила бы только одна беспорядочная смѣна въ состояніяхъ сознанія. Но и этого мало! Нужно чтобы прежнія мѣста, въ которыхъ находился движущійся объектъ, удерживались бы въ памяти и такимъ образомъ могли бы быть относимы другъ къ другу и сравниваемы, ибо безъ этого воспоминанія и сравненія *не возникло бы* идеи о прохожденіи имъ пространства. Очевидно также, что перемѣна объектомъ мѣста или пространственного отношенія къ другимъ объектамъ не должна происходить въ сознаніе мгновенно, ибо опять таки не возникло бы понятія движения. Нужно, чтобы прохожденіе объектомъ пространства было отмѣчено и сознано. Значитъ, замѣчу я кстати, идея пространства уже должна быть готова ранѣе; и далѣе нужно, чтобы *непрерывность* перемѣны положенія была соединена съ ея *замѣтностью*.

Поспѣловъ. Да, позвольте! вычисляя эти условія для образованія понятія движения, вы, вѣдь, только описываете, какъ мы наблюдаемъ *его объективное происхожденіе* и тѣмъ невольно подтверждаете объ-

ективное существование движения *въ природѣ*, а не въ нашей мысли, которая только воспроизводитъ природу.

Сократъ (улыбаясь). Напрасно изволите упрекать меня, не дослушавши въ моемъ объясненіи самого главнаго пункта, изъ котораго можете ясно увидѣть, что то понятіе движения, которое мы имѣемъ, есть только нашъ умственный актъ, а вовсе *не дѣйствіе* природы. Всѣ сейчасъ исчисленныя мною условія суть *только элементы* для нашего понятія движения, въ ихъ разрозненности, можетъ быть, доступные и животнымъ, которые, однако, вообще не имѣютъ понятій, значитъ, и понятія движения. Для этого всего важнѣе, чтобы нашимъ безвременнымъ и безпространственнымъ субъектомъ, или душою были не только *ощущены* и *отмычены* всѣ эти образы, отношенія и состоянія въ отдѣльности, но и *отнесены* одни къ другимъ во многихъ актахъ сравненія, поняты съ различныхъ точекъ зреенія, и наконецъ, *соединены* *въ то единое цѣлое*, которое и составляетъ понятіе, выражаемое словомъ: движение. Отдѣльно же взятые всѣ эти элементы ничего не могутъ дать кромѣ смутныхъ, противорѣчивыхъ понятій, какъ это и было обнаружено Зепономъ передъ его противниками, которые понимали движение тоже догматически, не задумываясь надъ вопросами о времени, пространствѣ, перемѣнѣ въ немъ мѣста и тому подобное.

Синайскій (обращаясь къ Сократу). Вѣрно ли будетъ, если я выражу вашу мысль такъ: ни отмѣченный въ сознаніи субъекта *объектъ* и даже *нѣсколько* таковыхъ *объектовъ*; ни идея отношенія этихъ объектовъ другъ къ другу (далеко, близко); ни внезапно совершившаяся перемѣна въ положеніи этихъ объектовъ—все это еще не даетъ идеи движения, которая появляется только въ нашемъ актѣ мышленія, соотносящаго всѣ эти отдѣльные элементы и понимающаго ихъ въ связи и заразъ?

Сократъ. Вѣрно!

Синайскій. Но все таки я не совсѣмъ понимаю, какимъ образомъ въ результатѣ этого акта мышленія оказывается, повидимому, *абсолютно-*

необходимое противорѣчіе, что движущееся въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ и есть и не есть, и на которое остроумно указано Зенономъ въ его „летящей стрѣлѣ“. Какъ, спрашиваю я себя, не обращаютъ вниманія на это противорѣчіе не только люди вообще, но, напр., ученые естествовѣды, вся наука которыхъ вращается около понятія движения? А какъ! думаете вы съ своей стороны? возможно ли, какъ либо устраниТЬ это противорѣчіе?

Сократъ. Абсолютно - необходимое противорѣчіе едва ли можно допустить, потому что противорѣчіе есть принадлежность не реального бытія, а идейнаго, т. е., относится къ содержанію человѣческаго мышленія. Во-первыхъ, для человѣка все таки есть нѣкоторая возможность воздержаться отъ актовъ мышленія, приводящихъ къ противорѣчію, честно ограничивъ себя словечкомъ: *не знаю*. Во-вторыхъ, какъ бы долго противорѣчіе ни отравляло мысль, оно все таки, съ теченіемъ времени, можетъ быть замѣчено и преодолѣно. Что же касается до самого глубокаго его источника въ понятіи движения, то, по моему, этотъ источникъ заключается въ томъ, что люди причисляютъ движеніе вмѣстѣ съ пространствомъ и временемъ не къ идейной, а реальной области бытія, т. е., существующей самой по себѣ, а не только въ содержаніи нашего мышленія. Но *ближайшиими*, вытекающими изъ этого коренного источника, причинами противорѣчія служитъ прежде всего *неразличеніе* стадій развитія, чрезъ которыхъ проходитъ это понятіе, подобно пространству и времени: *субъективной*, *объективной* и *абстрактной*. Къ этой причинѣ присоединяется далѣе обычное *недоразумленіе*, что будто-бы количество или число есть неизбѣжная принадлежность движенія вообще (также какъ времени и пространства), между тѣмъ какъ оно необходимо приводить къ этому понятію только въ абстрактной стадіи его развитія. Вѣдь, моменты: *теперь*, *прежде*, *послѣ*, хотя и допускаютъ приложеніе къ нимъ *продолжительности* и *числа*, все таки, по своей природѣ, суть *только отношения*, слѣдовательно, недѣлимы и не подлежать какимъ либо особымъ опредѣленнымъ мѣрамъ, по какому либо опре-

дѣленному масштабу. Это обстоятельство и вноситъ огромную разницу въ наше отношеніе къ движенію въ субъективной и объективно абстрактной стадіяхъ развитія у насъ этого понятія. Въ этихъ обѣихъ стадіяхъ совершенно различны *пониманіе* и *оцѣнка* момента, принимаемаго за *настоящее время* (теперь), что неизбѣжно и ведеть къ противорѣчію, о которомъ мы говоримъ. Въ нашемъ дѣствѣ или же у дикарей, когда человѣкъ стоитъ ближе къ животнымъ и живеть, по преимуществу, такъ называемымъ *чувственнымъ воспріятіемъ* и несознаваемою или механическою ассоціаціею образовъ, не подвергая ихъ процессамъ *разлагающаго* и *соединяющаго* мышленія, когда онъ нисколько не интересуется количествомъ движения (скоростью) или какою либо болѣе или менѣе точною мѣрою его продолжительности; иначе говоря, когда человѣкомъ движение объекта воспринимается въ субъективной стадії *in concreto*: то сознаніе двухъ различныхъ положеній движущагося объекта, т. е., *здесь* и *тамъ* или *такъ* и *этакъ*, падаетъ, соответственно силѣ природной восприимчивости нашего существа въ одно и то-же *субъективное теперь*. Но такъ какъ это *теперь* можетъ заключать въ себѣ, сколько угодно, и по какому угодно масштабу, объективно-абстрактныхъ мѣръ времени, то, слѣдовательно, субъективная оцѣнка движения на основаніи чувственного воспріятія, чуждая противорѣчію, сейчасъ же подвергнется ему, какъ скоро въ нее войдетъ, путемъ *смѣщенія понятій*, абстрактная точка зреянія, основанная не на воспріятіи, а на мышленіи. Мысленіе, оторванное отъ естественной связи съ ощущеніемъ, воспріятіемъ и другими нашими дѣятельностями, уже не можетъ допустить, чтобы *здесь* и *тамъ*, *такъ* и *этакъ* падали въ чисто субъективный пунктъ воспріятія: *теперь*, а необходимо требуетъ распаденія ихъ въ разныя части настоящаго времени, мыслимаго *in abstracto* дѣлимымъ до безконечности, на ряду съ пространствомъ, а также и движеніемъ.

„Итакъ, ближайшая причина противорѣчія въ понятіи движенія зависитъ отъ *различныхъ масштабовъ*, по которымъ мы сравниваемъ и опредѣляемъ движеніе, причемъ *смѣшиваются* и *отождествляются*

акты оцѣнки его въ субъективномъ воспріятіи съ актами той же оцѣнки въ объективно-абстрактномъ мышлениі. . . .

Поспѣловъ (прерывая Сократа). Извините, что я немножко прерву васъ, для лучшаго уясненія дѣла. Какъ по вашему, дѣти и дикари мыслять или нѣтъ?

Сократъ (съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ). Дѣти?! Дѣти, можно сказать, первоначально, т. е., въ младенчествѣ, не мыслять, но мало по малу *входяте* въ эту человѣческую функцию; взрослые же дикари несомнѣнно мыслять, хотя мышленіе ихъ, какъ и дѣтей въ раннемъ возрастѣ, смутно, отрывочно и большею частію протекаетъ столь же безсознательно, какъ и механическая ассоціація ідей, принадлежащая одинаково какъ людямъ, такъ и животнымъ, хотя єдва ли возможно приписать послѣднимъ мышленіе въ строгомъ смыслѣ этого термина.

Поспѣловъ. Но, впрочемъ, я предложилъ свой вопросъ о мышлениі дѣтей не изъ желанія узнать вашу теорію мышлениія, а только для вывода слѣдствія изъ вашихъ разсужденій. Во всякомъ случаѣ, мышленіе дѣтей и дикарей ниже, чѣмъ мышленіе образованныхъ взрослыхъ и тѣмъ болѣе *научныхъ* людей, а, по вашему, выходить, что чѣмъ человѣкъ мыслить смутнѣе, тѣмъ его мысль о движеніи свободнѣе отъ противорѣчія, т. е., тѣмъ онъ мыслить правильнѣе; а чѣмъ человѣкъ развитѣе, тѣмъ болѣе онъ входитъ въ противорѣчіе. Такъ ли это, по вашему? и если такъ, то не странно ли это?

Сократъ (съ досадою). А по моему такъ ничего нѣтъ страннаго! Избѣжать ошибокъ, сопряженныхъ съ какой либо дѣятельностью, можно *двумя путями*: или совсѣмъ не браться за нее, или же выполнять ее въ совершенствѣ. Человѣкъ, не играющій вовсе на какомъ либо музыкальномъ инструментѣ, никогда не дѣлаетъ ошибокъ, свойственныхъ играющимъ на немъ. Животное, которому совсѣмъ не доступно мышленіе о движеніи, никогда и не входитъ въ противорѣчіе по поводу этого понятія. Дитя и дикарь, мыслящіе о немъ смутно, избѣгаютъ противорѣчія тѣмъ, что понимаютъ движеніе только въ

конкретномъ воспріятіи и не мыслять о немъ абстрактно. Взрослые же способны мыслить о движениі кромѣ того и *in abstracto*; особенно же образованные и ученые люди постоянно практикуютъ это мышленіе и тѣмъ самимъ становятся способными *смѣшиватъ* его продукты съ конкретными продуктами не яснаго мышленія, соединенного съ чувственнымъ воспріятіемъ, и при этомъ, конечно, входить въ противорѣчіе. Но за то у нихъ есть возможность проникнуть въ самый корень или *послѣднее основаніе* этого противорѣчія и тѣмъ радикально преодолѣть его. Ставши на истинно-философскую точку зрѣнія, они могутъ понять, что реальнаго движенія *нетъ* и что естественныя науки для своихъ цѣлей пользуются условнымъ понятіемъ движенія. Не входя въ вопросъ о происхожденіи и реальности времени, пространства и движенія, они принимаютъ ихъ условно, какъ количество, существующее само по себѣ и всегда имѣющее опредѣленныя или же неопределѣленныя, но подлежащія опредѣленію, мѣру и число. Такимъ образомъ, во всѣхъ наукахъ принимается *хронологическое, непрерывно и равнотично текущее время, измѣряемое по тому или другому масштабу*. Въ наукахъ о природѣ принимается *абстрактно-геометрическое пространство, измѣряемое тѣми или другими условными мѣрами*; и наконецъ *абстрактно-механическое движеніе, совершающееся абстрактной физико-химической матеріею съ тою или другою скоростью*. Само собою разумѣется, что соединяемое условно съ понятіями времени, пространства и движенія количество, въ смыслѣ ихъ реальной принадлежности, предохраняетъ представителей естественныхъ наукъ отъ противорѣчія, хотя они и не сознаютъ этого, а думаютъ, что причина успѣшности ихъ дѣйствій въ открытіи и формулировкѣ, такъ называемыхъ, законовъ природы заключается въ *мнимальной реальности и непосредственной данности* въ сознаніи предмета ихъ занятій...

Красоткинъ (обращаясь къ Сократу). Хоть убейте меня, а я все таки не понимаю, въ чемъ и гдѣ та сорная трава, которую люди вообще, а ученые въ особенности, должны вырвать съ корнемъ, чтобы не впадать въ противорѣчіе!

Сократъ (сердито ворчитъ). Ну, ну! Вотъ такъ баня! (Говорить съ разстановкою). Сорная трава состоитъ въ томъ, что люди, употребляя одни и тѣ же слова: теперь, прежде и послѣ, разумѣютъ подъ ними разное, смотря по ихъ развитію и умственной точкѣ зрѣнія, съ которой они на самомъ дѣлѣ понимаютъ эти слова, между тѣмъ какъ въ то же время, обманываясь тождествомъ звуковъ, думаютъ, что эти слова и значатъ одно и то же. Такъ, напр., одно и то же „теперь“, если взглянуть на него съ точки зрѣнія субъективнаго, ребяческаго воспріятія, будетъ заключать въ себѣ уже не одно, а многія „теперь“, если перейти на точку зрѣнія взрослого въ его объективномъ воспріятіи, т. е., относящемся къ измѣряемымъ или объективнымъ движеніямъ, и, наконецъ, то-же самое одно теперь заключаетъ въ себѣ *безконечное* количество таковыхъ же *теперь*, если стать на точку зрѣнія абстрактнаго, т. е., возможнаго воспріятія. Сорная трава и состоитъ въ непониманіи, или смутномъ пониманіи, этого обстоятельства, а вырвать ее съ корнемъ, значитъ, понять это, т. е., понять, что движеніе не есть нѣчто само по себѣ сущее, а существуетъ только въ нашемъ мышленіи, проходящемъ透过 различныя стадіи развитія.—„Но“, продолжалъ Сократъ, наливая себѣ стаканъ вина, „большихъ объясненій я дать ужъ не способенъ и даже долженъ свои ослабѣвшія силы подкрѣпить винцомъ“.

Синайскій. Ну, теперь ужъ я попробую предложить вамъ на разрѣшеніе свое затрудненіе, въ которомъ (улыбаясь) можетъ быть вы и выручите меня, подкрѣпившись винцомъ. *Откуда и какъ* является *количество* въ понятіи *скорости*, относящемся къ движенію, состоящему въ перемѣнѣ мяста, и, конечно, немыслимо безъ времени и пространства. Сами по себѣ они, какъ вы уже говорили, *не суть* количества, хотя и допускаютъ количественное измѣреніе. Теперь спрашивается, откуда приводится количество къ движенію: отъ времени, или отъ пространства, или отъ обоихъ вмѣстѣ, и какъ это могло бы быть, ибо, вѣдь, количества времени и пространства не соизмѣримы другъ съ другомъ? нельзя сравнивать и сосчитывать, напр., футы или дюймы съ часами или минутами!

Сократъ. Вопръсъ вашъ замысловатъ, но, кажется, что я могу кое-что отвѣтить на него. Количество въ движениі, конечно, происходит отъ измѣренія пространства и времени, но, однако, не прямо, а косвенно. Какъ во времени всякая величина происходит отъ сравненія одной продолжительности съ другою, какъ въ пространствѣ всякое количественное опредѣленіе происходит отъ сравненія одной протяженности съ другою, такъ и въ движениі его количество происходит отъ сравненія одного движениія съ другимъ *движеніемъ-же* (а не съ временемъ и пространствомъ, какъ таковыми), положимъ, медленнѣйшаго движениія съ быстрѣйшимъ. Вотъ это то различіе и отношение движений по ихъ медленности или быстротѣ и можетъ быть выражено при помощи *отношенія* величинъ временныхъ къ пространственнымъ. Значитъ, количество, привходящее къ движению и называемое *скоростью*, возникаетъ не вслѣдствіе отношенія времени къ пространству, а вслѣдствіе сравненія и отношенія однихъ движений къ другимъ, т. е., когда, напр., въ равное время одинъ предметъ проходитъ большее пространство, а другой меньшее. По моему, если бы *всѣ* движениія были равномѣрны или если бы существовало только *одно* движениѣ, то невозможно было бы и понятіе скорости и, конечно, выраженіе ея чрезъ отношеніе количества протяженности къ количеству продолжительностей, потому что ни отношеніе большаго времени къ меньшему, ни отношеніе большаго протяженія къ меньшему не можетъ выражать движениія, но только отношеніе между проходими протяженностями, сравнительно съ продолжительностями этого прохожденія.

Карамазовъ Иванъ (обращаясь къ Сократу). Если я вѣрно понимаю, о чёмъ сейчасъ былъ разговоръ, то, кажется, вы *настасиваете*, что скорость движениія не есть выраженіе отношенія пространства ко времени, а только отношеніе одного движениія къ другому, словомъ, что хотя пространство съ временемъ и необходимы для происхожденія понятія движениія, но все таки они не суть прямо источники понятія скорости. Но, однако, мнѣ случалось встрѣтить, что даже извѣстные

ученые говорятъ о скорости движенія представлений во времени, да и вообще всѣ мы такъ говоримъ и понимаемъ, что, напр., чувства или волненія или же желанія слѣдуютъ другъ за другомъ, положимъ, съ чрезвычайною быстротою, т. е., значитъ, двигаются во времени. Мнѣ даже помнится, что какъ то и вы сами разъ упоминали о движениіи идей во времени. Такъ не можете ли вы мнѣ объяснить, какъ должно понимать такія выраженія?

Сократъ. Васъ не было, когда я въ вагонѣ объяснялъ три рода движенія: метафизическое, психологическое и физическое, и когда я говорилъ, что терминъ: движение, собственно принадлежитъ послѣднему и что употребленіе его въ двухъ первыхъ отношеніяхъ есть только метафора. Въ первомъ случаѣ этой метафоры движеніемъ называется переходъ въ нашей метафизической связи съ другими субстанціями отъ однихъ взаимодѣйствій съ ними къ другимъ. Во второмъ-же случаѣ имъ называется психологическая смына разныхъ нашихъ состояній, которая, впрочемъ, выражается терминомъ: *перемѣна*. Терминъ-же: движение, принадлежитъ специально физическому движению въ пространствѣ. Къ этому я, пожалуй, сейчасъ добавлю еще, что вообще распространенію метафорического употребленія термина: движение, способствуетъ абстрактная ступень развитія этого понятія, такъ что при все увеличивающемся господствѣ этого абстрактного понятія изъ него какъ-бы исчезаетъ пространственный элементъ и выступаетъ только одинъ временный. Такъ, напр., мы, нисколько не помыслия о метафорѣ, обычно говоримъ о быстромъ движеніи кого-либо по лѣстницѣ государственной службы, по ступенямъ умственного развитія, обогащенія и т. п. Во всякомъ случаѣ пустъ ученые и даже философы забываютъ о метафорическомъ употребленіи терминовъ, я совѣтовалъ-бы себѣ и вамъ неослабно помнить объ этомъ, ибо только тогда можно смѣло посягать на метафору, не боясь умственно заблудиться въ ней.

Поспѣловъ (къ Сократу). Извините, я все-таки не могу еще (улыбаясь) отпустить васъ на волю. Пусть будетъ такъ, какъ вы на-

стаиваете, движение въ пространствѣ не реальнымъ, но, вѣдь, кажется, по вашему, оно есть отраженіе взаимодѣйствія субстанцій. Теперь я спрошу васъ, что-же само это взаимодѣйствіе, по вашему, дѣйствительно существуетъ или только кажется?

Сократъ. Да, оно дѣйствительно существуетъ.

Поспѣловъ. Вотъ теперь мнѣ и интересно было бы узнать, какимъ образомъ нѣчто дѣйствительно существующее даетъ въ результатѣ только какую-то видимость, ведущую къ противорѣчіямъ, т. е., къ нелѣпости.

Сократъ. Признаюсь для меня вопросъ вашъ не кажется затруднительнымъ. Конечно, по моему, связь наша со всѣми субстанціями міра, при посредствѣ высочайшей, дѣйствительно существующей, но она до такой степени сложна, переплетена и превосходитъ размѣръ и силы нашего сознанія и нашихъ дѣятельностей вообще и познавательныхъ въ частности, т. е., воображенія и мышленія, что мы обнять и выразить ее вполнѣ и точно, или, какъ говорятъ философы, *адекватно*, не имѣемъ никакой возможности. Поэтому весьма естественно, что въ различіи реальнаго отъ кажущагося и въ теоріяхъ, въ которыхъ мы пытаемся установить понятіе о реальности, мы можемъ заблуждаться. Въ особенности-же трудно освободиться отъ ошибокъ, которымъ подвергаетъ насъ вліяніе *воображенія*. Когда воображеніе является въ чистомъ своемъ видѣ безъ соединенія съ мышленіемъ, напр., у животныхъ и дѣтей, то оно составляетъ у нихъ какъ-бы низшую ступень познавательной дѣятельности, вполнѣ *практическую* и достаточную для самыхъ элементарныхъ потребностей жизни. Въ этомъ видѣ оно не можетъ вводить въ тѣ *специальные* ошибки и заблужденія, какія свойственны мышленію. Но когда у взрослыхъ и даже образованныхъ, вообще много и энергически мыслящихъ людей, воображеніе идетъ обѣ руку съ мышленіемъ и даже значительно подавляется имъ, то, какъ-бы ни было у человѣка энергично это мышленіе, все-таки его мыслящая дѣятельность и ея акты никогда не могутъ вполнѣ освободиться отъ, хотя-бы и мало замѣтнаго, вліянія воображенія. Мнѣ,

конечно, теперь нѣтъ возможности вдаваться въ подробности всѣхъ заблужденій мысли подъ вліяніемъ воображенія въ разныхъ областяхъ человѣческаго знанія, но нельзѧ не упомянуть объ этомъ вліяніи въ области *высшаго* знанія, именно философскаго. Подъ вліяніемъ воображенія, напр., время и пространство понимаются, какъ готовыя или сосчитанныя безконечности; пространство понимается какъ нѣчто вродѣ безконечнаго ящика, въ которомъ помѣщены всякия реальности; время какъ нѣчто вродѣ безконечной нитки, на которую нанизываются — всѣ события и перемѣны и т. д.

Но когда мы въ нашемъ историко-философскомъ мышленіи преодолѣемъ всѣ эти продукты воображенія и смутнаго мышленія, то поймемъ, что и такъ называемыя вещи материальнаго міра и ихъ движенія суть только *значки* или *символы* тѣхъ субстанцій, съ которыми мы общимся и взаимодѣйствуемъ. Но тогда и *только тогда* ничто не мѣшаетъ намъ признать и за пространствомъ съ временемъ и движениемъ нѣкоторую *прикровенную истину* и понять ихъ какъ *символы* существующихъ дѣйствительностей и ихъ отношений. Такъ въ пространствѣ мы можемъ видѣть символъ того, что реальные субстанціи существуютъ не изолированно, но въ одной охватывающей всѣхъ ихъ связи. Время можетъ служить для насъ символомъ того, что единая связь между субстанціями, символизированная пространствомъ, не есть *неподвижная тождественность*, нѣчто вродѣ сѣтки или мѣшка, содѣржимое котораго мертвенно хранится въ немъ; но что, оставаясь единою, эта *связь* тѣмъ не менѣе постоянно *измѣняется* въ порядкѣ и распределеніи этого содѣржимаго, т. е., что неизмѣнныя сами по себѣ субстанціи *живоподвижны* въ своихъ *акциденціяхъ*. Затѣмъ движение можетъ символизировать для насъ то, что эта подвижность акциденцій въ субстанціяхъ не есть измѣняющаяся, случайно, внезапно и безсмысленно, но составляетъ постепенный, правильный и имѣющій смыслъ переходъ отъ одного общенія субстанцій къ другому, третьему, четвертому и т. д., при чёмъ все увеличивающіяся число и сложность акциденцій всѣхъ и каждой субстан-

ції входятъ въ болѣе гармоничный и болѣе цѣлесообразный порядокъ ихъ взаимоотношенія и взаимодѣйствія, отъ чего и зависитъ совершенствованіе всѣхъ и каждой субстанціи. Минъ кажется, что такое пониманіе пространства, времени и движенія вполнѣ удовлетворительно отвѣчаетъ на предложенный вами вопросъ.

Послѣ этихъ словъ Сократа хозяинъ предложилъ гостямъ ужинъ, который прошелъ весьма весело, благодаря юмору, съ которымъ Сократъ, повидимому, добродушно и серьезно разспрашивалъ Катерину Ивановну о томъ, что она теперь читаетъ въ „Ребусѣ“, и обѣ ея знакомствъ съ спиритами. Особенно ловко онъ наводилъ ее на разсказы, въ которыхъ заключались или явно противорѣчивыя выраженія вродѣ „видимыхъ и осязаемыхъ духовъ“ или же пустыя и даже пошлые, по своему содержанію, такъ называемыя *медіумическія явленія*. Не догадываясь обѣ ироніи Сократа, Катерина Ивановна съ увлечениемъ рассказывала, что Гурковская и ея знакомые ждутъ ежедневно на возвратномъ пути изъ Индіи и Тибета Блаватскую, около которой ежеминутно совершаются разнообразные „феноменчики“, по ея выраженію, что съ нею въ постоянномъ общеніи находится (какъ-бы *spiritus familiaris*) особый духъ Кутъ-хуми (впрочемъ, я хорошо не разслышалъ его имени), который является къ ней по первому ея требованію. Далѣе Катерина Ивановна рассказывала, что въ кружкѣ спиритовъ хотятъ выписывать изъ Италіи медіума, превосходящаго своею силою всѣхъ доселѣ известныхъ медіумовъ.

Когда собесѣдники разставались, то Катерина Ивановна объявила, что завтра, т. е., въ воскресенье, у ней на дачѣ будетъ праздноваться благополучное окончаніе экзаменовъ дочери Сократа, а потому его съ дочерью она приглашала къ себѣ съ самаго утра, а всѣхъ остальныхъ гостей Калганова къ обѣду.